

Очевидное или невероятное, или Как нашли один кюри возле электростанции

тории в народное хозяйство хотя бы частично, скажем, некоторыми участками, и ведь так или иначе вопрос стоит не повестке дня. Пытаются о нем умалчивать, но от этого мало что меняется. Вы видите какую-то перспективу Чернобыльской зоны в ближайшем будущем!

— Относительно воды в зоне, то контроль за загрязнением воды и поверхностей, как грунтовых, так и подземных ведется непрерывно с 86-го года и ведет-

ся очень и очень квалифицированной группой людей, где ведущее значение имеют работы украинского ученого Олега Войцеховича, который работал здесь с первых дней аварии тогда еще молодым специалистом, а сейчас уже выросший до крупнейшего ученого в области радиационного загрязнения гидросферы. При этом, ничуть не преувеличивая, я имею в виду не только такие страны, как Беларусь, Украина и Россия, но и страны дальнего зару-

бежья. А результаты таковы: загрязнение воды в реке Припять в зоне отчуждения предельно допустимых концентраций. Следовательно, она питьевая.

Причем такой питьевой она стала еще на уровне 87-го года. Единственная проблема с точки зрения жизнеобеспечения вод в зоне — это рыба, так же как единственная проблема загрязнения пищевых продуктов в лесах зоны — это грибы.

Рыба, как известно, делится на хищную и ту, которая питается придонной растительностью. Так вот, загрязняется та, которая питается придонной растительностью, поскольку радиоактивность не в воде, а в донных отложениях. А хищная рыба поедает ту травоядную и загрязняется уже по цепи. Но я еще раз повторю, вода в зоне лучше питьевых нормативов. Я уже не говорю о подземных водах, которые добываются с помощью скважин из глубоких подземных горизонтов. Теперь, что касается перспектив хозяйственного использования зоны отчуждения. Я считаю, что для такого государства, как Украина, государства, богатейшего и по земельным ресурсам, и по человеческим, и вообще по славянскому потенциалу, но переживающего сейчас бедственное социальное положение, лучше использовать уже имеющуюся зону отчуждения, а не делать ее, поскольку ее все же в любом случае надо иметь! А не использовать такую зону — преступно. А каковы мы преступники, я думаю, это будет решать украинский народ. Надо отработать систему использования зоны отчуждения. А использовать ее можно не с точки зрения закрытия ЧАЭС, с позиции улучшения качества ее эксплуатации. Я понимаю, что такое предложение вызывает массовый протест у определенной части украинцев и, кроме того, у некоторых бизнесменов с Запада. А система переработки отхо-

дов? Ну зачем же вывозить отходы действующих станций Украины в Красноярск, зачем же стоять с протянутой рукой перед Россией для того, чтобы дали возможность отвезти и переработать отходы в Красноярске? А Россия, то ли захочет это взять, то ли не захочет. Это даже унизительно со стороны украинского государства, хотя я россиянин, но мне просто обидно за украинцев в такой ситуации. Тогда, когда есть удобное место, где эту переработку можно делать. Если бы это пришлось делать с самого начала, то есть ничего не зная, то это один вопрос, а тогда, когда технология изготовления заводов по переработке давно отработана во всем мире, то можно перерабатывать все отходы всех атомных станций на территории Украины. Экономически это колоссально выгодно. Так что с точки зрения хозяйственного использования зоны для меня вопрос однозначный и мне кажется я присоединяюсь сейчас к той мысли, о которой говорят отдельные специалисты, но по определенным политическим моментам из бозни ухудшения своего политического имиджа внутри страны, боятся высказывать это в открытую. А я считаю, что нужно постоянно говорить о хозяйственном использовании зоны.

И хотя этот вопрос постоянно будируется, постоянно меняется по этому поводу точка зрения и его решения.

У меня эта точка никогда не менялась: если такая зона на территории Украины есть, ее нужно использовать эффективно.

Беседу вел
Л. НЕСТЕРОВ.

— Ну вы знаете я не знаю, к счастью или к несчастью, потому что я никогда не задавался вопросом, как на меня воздействует радиация? Я многократно подвергался очень сильным уровням загрязнения, ну, в частности, я неоднократно работал по зондажу ядерных облаков после взрывов (по меньшей мере после нескольких десятков ядерных взрывов я бывал в воронках этих взрывов), пришлось мне по должности работать и получать многие десятки бэр и в районе Чернобыльской станции, но я всегда исповедовал крайне простую для себя идею о том, что радиоактивности бояться не надо. Это — первое, второе — ни в коем случае с радиоактивностью нельзя шутить. И вот совокупность этих двух факторов, которые я себе исповедовал, приводила к тому, что я, получая или не получая высокую дозу радиации, всегда оставался спокоен. Хотя я всегда делал еще и второе мероприятие. Проверял уровень состояния крови по анализу. Кровь, как всегда была спокойной, скажем так. И ощущал ли я состояние бодрости, улучшение здоровья. Я ничего по этому поводу не могу сказать, поскольку просто меня этот вопрос не волновал.

— Хорошо, Евгений Данилович, вот я уже задавал это в предыдущем вопросе, но еще раз повторю: что все-таки вы думаете по поводу состояния воды в Чернобыльской зоне и вообще каковы перспективы, на ваш взгляд, как специалиста, работающего с различными зонами загрязнения, о возможности возвращения терри-

